

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ РЕФЕРАТЫ

Н. Г. ЗАЛКИНД

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И АНТИРАСИСТСКИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ Д. И. ПИСАРЕВА

Оценивая пути развития естествознания в России в 60-е годы прошлого столетия, К. А. Тимирязев писал: «По образованию филолог, дилетант в естествознании, знакомом ему только из книг, увлекающийся, но зато и увлекавший, Писарев выступил убежденным защитником культурной задачи естествознания вообще и в современном русском обществе в особенности. Теперь может вызвать улыбку, например, его горячий призыв, обращенный к Салтыкову-Щедрину.— бросить свои побасенки вроде «Губернских очерков» и заняться единственной насущной, по его мнению, задачей — популяризацией естествознания, но, тем не менее, пробегаая на расстоянии полувека эти горячие красноречивые страницы так рано отнятого судьбой у русской литературы талантливого и широко образованного критика-публициста, понимаешь, какие глубокие корни пустило в обществе того времени сознание не узко утилитарного, а общеобразовательного, философского значения того самого естествознания, занятие которым еще так недавно обыкновенному русскому обывателю представлялось каким-то непонятным барским чудачеством»¹. Эта широкая для 60-х годов волна популяризации науки обнаруживает «одно из проявлений духа времени — стремление найти себе опору не в одних представителях просвещенного абсолютизма или меценатах какого бы то ни было вида, а на более прочном фундаменте широкого сочувствия к науке, основанного на более распространенном понимании ее значения и задачи»².

Страницы передовых русских журналов 60-х годов действительно изобилуют как оригинальными, так и переводными статьями, обзорами, полемическими рецензиями по всем вопросам естествознания. «Современник», «Русское слово» и другие журналы были в эти годы трибуной, с которой широким кругам читающей русской публике преподносились в популярной форме достижения передовой науки, преимущественно биологической, с явно выраженным стремлением положить данные естествознания в основу философского материалистического мировоззрения.

В эти годы на страницах журнала «Русское слово», сотрудником которого был Д. И. Писарев, можно встретить статьи и заметки выдающихся русских естествоиспытателей — Н. А. Северцова, В. О. Ковалевского и других, а также отклики на работы основоположника русской физиологии И. М. Сеченова, выдающегося ученого и популяризатора науки профессора Московского университета А. П. Богданова.

В связи с выходом в свет книги Дарвина «Происхождение видов» впервые в русском переводе (1864 г.) Писаревым и другими сотрудниками журнала оставлены блестящие страницы, посвященные пропаганде и популяризации эволюционного учения Дарвина. Журнал живо откликался буквально на каждое крупное событие научной жизни.

Популяризация естествознания Писаревым и его современниками являлась продолжением пропаганды материалистического взгляда на природу, проводимой еще в выдающихся трудах Белинского, Герцена, Чернышевского и Добролюбова.

Популяризуя естествознание, Писарев настойчиво пропагандировал в своих статьях материалистический взгляд на природу. Он утверждал, что «все законы природы, простые и сложные, исследованные и неисследованные, физические и психологические, одинаково непоколебимы, одинаково обширны и одинаково не терпят исключе-

¹ К. А. Тимирязев, Соч., т. VIII, 1939, стр. 175.

² Там же, стр. 168.

ний, потому что все они одинаково вытекают из необходимых и вечных свойств бес-
предельного мирового вещества»³.

Многие статьи Писарева, в которых пропагандируются достижения естествознания, свидетельствуют о том, что их автор придавал большое значение популяризации дан-
ных науки о человеке (антропологии). Вопросы популяризации данных антропологии
в публицистической деятельности Писарева заслуживают большого внимания, так как
под влиянием писаревского «реализма» воспитывалось старшее поколение русских
антропологов. Большое значение для популяризации естествознания имеют работы
Писарева «Очерки из истории труда»⁴ и «Прогресс в мире животных и растений»⁵,
написанные им в годы пребывания в Петропавловской крепости, куда он был заклю-
чен в 1862 г. царским самодержавием за революционную, нелегально напечатанную
статью «Русское правительство под покровительством Шедо-Ферротти». В этих работах
последняя попытка удержать за одним человеком право смотреть на другого человека.

«Исследования геологов над различными формациями земной коры и над остат-
ками органических тел, превратившихся в окаменелости, доказывают неопровержимым
образом, что человек появился на земле в позднейший период ее образования. Тысячи
и, может быть, миллионы лет прошли над нашей планетой, прежде чем органическая
жизнь достигла того разнообразия, той сложности и того совершенства, которые
проявляются в высших породах млекопитающих, т. е. в обезьянах и в человеке»⁶.

Сменялись геологические периоды. Одни виды животных и растений сменяли дру-
гие. Развивалась органическая природа, развивался и человек. «Природа человека
всегда была так же способна к беспредельному развитию, как природа, окружающая
человека, всегда была способна к бесконечному разнообразию видоизменений и ком-
бинаций...»⁷

ПОПРАВКА

На стр. 167, строка 13-я сверху, по вине типографии вкралась ошибка, — следует
читать:

Писаревым отчетливо сформулирован эволюционный взгляд на природу и чело-
века.

Советская этнография № 4, 1952 г.

В мире животных и растений (1863), про-
паганды и популярного изложения учения Дарвина. Подчеркивая, что идеи Дарвина
произвели полный переворот в естествознании, Писарев называет антропологию
в числе других отраслей естествознания, испытавших на себе плодотворное влияние
учения Дарвина. В этой работе Писарев широко привлекает данные палеоантрополо-
гии для доказательства эволюции человека, для подтверждения эволюционного учения
Дарвина. Писарев показывает, что новые находки ископаемых остатков животных и
человека наносят удар антинаучным, идеалистическим взглядам даже таких ученых,
как Ж. Кювье.

«Тридцать лет тому назад Кювье говорил, что нет и не может быть ни ископаемых
обезьян, ни ископаемых людей, и приводил в пользу этого мнения даже теоретиче-
ские основания. Эти основания очень хороши и убедительны, но, к сожалению, на-
шлись ископаемые обезьяны и даже ископаемые люди»¹⁰.

Выступления Писарева и других сотрудников «Русского слова» по вопросам, свя-
занным с пропагандой материалистического взгляда на природу человека, имели боль-
шое значение. Однако Писарев, как и его предшественники и ближайшие современ-
ники в русской научной публицистике, не мог полностью решить вопрос о каче-

³ Д. И. Писарев, Избранные философские и общественно-политические статьи, Госполитиздат, 1949, стр. 321—322.

⁴ Журн. «Русское слово», 1863.

⁵ «Русское слово», 1864.

⁶ Д. И. Писарев, Избранные философские и общественно-политические статьи, 1949, стр. 167.

⁷ Там же, стр. 172.

⁸ См. там же, стр. 158.

⁹ Там же, стр. 160.

¹⁰ Там же, стр. 160.

ний, потому что все они одинаково вытекают из необходимых и вечных свойств беспредельного мирового вещества»³.

Многие статьи Писарева, в которых пропагандируются достижения естествознания, свидетельствуют о том, что их автор придавал большое значение популяризации данных науки о человеке (антропологии). Вопросы популяризации данных антропологии в публицистической деятельности Писарева заслуживают большого внимания, так как под влиянием писаревского «реализма» воспитывалось старшее поколение русских антропологов. Большое значение для популяризации естествознания имеют работы Писарева «Очерки из истории труда»⁴ и «Прогресс в мире животных и растений»⁵, написанные им в годы пребывания в Петропавловской крепости, куда он был заключен в 1862 г. царским самодержавием за революционную, нелегально напечатанную статью «Русское правительство под покровительством Шедо-Феррюти». В этих работах последняя попытка удержать за одним человеком право смотреть на другого человека.

«Исследования геологов над различными формациями земной коры и над остатками органических тел, превратившихся в окаменелости, доказывают неопровержимым образом, что человек появился на земле в позднейший период ее образования. Тысячи и, может быть, миллионы лет прошли над нашей планетой, прежде чем органическая жизнь достигла того разнообразия, той сложности и того совершенства, которые проявляются в высших породах млекопитающих, т. е. в обезьянах и в человеке»⁶.

Сменялись геологические периоды. Одни виды животных и растений сменяли другие. Развивалась органическая природа, развивался и человек. «Природа человека всегда была так же способна к беспредельному развитию, как природа, окружающая человека, всегда была способна к бесконечному разнообразию видоизменений и комбинаций...»⁷.

Положение Писарева, что человек — продукт развития органического мира, что он связан с органическим миром своим происхождением, — несомненно играло огромную прогрессивную роль в борьбе с идеализмом и мистикой в вопросе о происхождении человека. В вопросе о возникновении и развитии человеческой речи Писарев подходит вплотную к правильной, материалистическому пониманию этой сложной проблемы, окончательно разрешенной лишь в трудах классиков марксизма-ленинизма. Писарев придавал огромное значение возникновению языка, как орудия общения между людьми. Первобытный человек, говорит Писарев, был беспомощным и беззащитным существом, дурно владеющим орудием слова, плохо справляющимся с впечатлениями внешнего мира, с трудом передающим эти впечатления другому, с трудом понимающим бессвязные звуки и неопределенные желания этого другого⁸.

«Первые успехи людей в практическом ознакомлении с силами и законами природы и в создании языка как могучего и незаменимого орудия сближения между собою были, конечно, медленны и вялы; но зато каждый последующий шаг совершался легче и быстрее предыдущего»⁹.

Здесь отчетливо выступает основное положение о том, что человеческая речь в самом начале, у самых истоков ее возникновения, представляла собою один из могучих двигателей эволюции человека.

Как и другие передовые публицисты 60-х годов, Писарев ставил одной из своих важнейших задач пропаганду эволюционного учения Дарвина. Его работа «Прогресс в мире животных и растений» (1864) представляет собой выдающийся образец пропаганды и популярного изложения учения Дарвина. Подчеркивая, что идеи Дарвина произвели полный переворот в естествознании, Писарев называет антропологию в числе других отраслей естествознания, испытавших на себе плодотворное влияние учения Дарвина. В этой работе Писарев широко привлекает данные палеоантропологии Дарвина. Писарев показывает, что по мере находки ископаемых остатков животных и человека наносит удар интуитивным, идеалистическим взглядам даже таких ученых, как Ж. Кювье.

«Тридцать лет тому назад Кювье говорил, что нет и не может быть ни ископаемых обезьян, ни ископаемых людей, и приводил в пользу этого мнения даже теоретические основания. Эти основания очень хороши и убедительны, но, к сожалению, нашли ископаемые обезьяны и даже ископаемые люди»¹⁰.

Выступления Писарева и других сотрудников «Русского слова» по вопросам, связанным с пропагандой материалистического взгляда на природу человека, имели большое значение. Однако Писарев, как и его предшественники и ближайшие современники в русской научной публицистике, не мог полностью решить вопрос о каче-

³ Д. И. Писарев, *Избранные философские и общественно-политические статьи*, Госполитиздат, 1949, стр. 321-322.

⁴ Журн. «Русское слово», 1863.

⁵ «Русское слово», 1864.

⁶ Д. И. Писарев, *Избранные философские и общественно-политические статьи*, 1945, стр. 157.

⁷ Там же, стр. 172.

⁸ См. там же, стр. 158.

⁹ Там же, стр. 160.

¹⁰ Там же, стр. 460.

ственных отличиях человека от животных и о причинах этих отличий. Положительное разрешение этого вопроса было дано лишь Ф. Энгельсом, показавшим решающее значение трудовой деятельности в происхождении и эволюции человека.

Писареву и его ближайшим предшественникам и современникам принадлежит также заслуга в борьбе с расистскими измышлениями современных им буржуазных ученых.

В 1861 г., в библиографической заметке по поводу посмертного издания стихотворений Гейне¹¹, Писарев обращает внимание читателей на стихотворение «Штука человеческого скота». Это стихотворение, в действительности принадлежавшее не Гейне, а одному из поэтов, напечатавшему свои стихи под именем Гейне, рисует тяжелую картину рабства негров в Америке. Писарев цитирует полностью перевод этого стихотворения и предпосылает ему следующие строки: «В настоящее время, когда внимание образованного мира обращено на последнюю борьбу между защитниками рабства и его врагами, когда в самой демократической стране нашей планеты совершается последняя попытка удержать за одним человеком право смотреть на другого человека как на вьючное животное,— следующий стихотворный рассказ Гейне окажется не лишним современным интереса»¹².

Писарев замечает, что сюжет этого стихотворения и даже его заголовок «Ein Stück Menschen Vieh» заставляет читателя «бросить взгляд на отношения между американскими плантаторами и их рабами». Плантатору, говорит Писарев, дозволено все: «побой, жестокие телесные наказания, насловование — все это такого рода домашние распоряжения, на которые некуда пожаловаться и в которых никто не станет гребовать у хозяина отчета»¹³. Приводим полностью содержание этого стихотворения, в переводе Д. И. Писарева.

«Колокола звонят к обедне и призывают на молитву; толпа стремится в церкви; прекрасное воскресное утро! Молодые матери убаюкивают на коленях своих новорожденных детей; девушки и матроны сидят в прохладной тени веранд. А в это время бедная невольница-негритянка, молодая, цветущая красотой, лежит и стонет на жесткой соломе, одна, всеми оставленная, в тюрьме. Закон благочестивого штата Луизианы определяет смертную казнь тому рабу, который поднимет руку на своего господина. Дина,— так зовут эту девушку, которая по словам закона, принадлежит к человеческому скоту и отдается в полное распоряжение владельца,— Дина ударила свою госпожу, чтобы защитить себя от побоев; она совершила дело дозволенной обороны. Но буква закона решает дело: ее тотчас же осудили на смерть, и поэтому она томится в мрачной тюрьме. День ее казни тогда был еще далек, потому что у нее была страшная надежда сделаться матерью. Отец этого ребенка, которого рождения она ожидала, как приближения своей смерти, был супруг ее строгой госпожи, Дина сделалась жертвой его похотливости и через два месяца родила мальчика, без всякой помощи, в стенах тюрьмы. Из ее рук вырвали ребенка; не помогли ни просьбы, ни слезы; напрасно беснуется львица, у которой отняли детенышей. Вслед затем заскрипели засовы тюрьмы, ее ожидал эшафот; палач ведет ее под руку на последнюю прогулку. Вокруг эшафота собирается любопытная толпа, желающая посмотреть на бедную преступницу и присутствовать при последних минутах ее жизни».

Писарев гневно восклицает: «Посмотрите на какую хотите породу животных, вы увидите, что самец всегда станет защищать свою самку; но плантатор южных штатов составляет исключение из этого общего правила: он смотрит на свою бывшую любовницу, как на домашнее животное или как на мебель... Прошла потребность в этой мебели, и ее можно сломать на дрова без малейшего сожаления...»¹⁴.

В эти годы в связи с гражданской войной в Америке на страницах передовых русских журналов появляется значительное число очерков, направленных на разоблачение реакционной сущности американского расизма, на защиту угнетенных негров, против рабовладельцев. Передовые русские журналы «Современник» и «Русское слово» резко выступали против рабства негров, против расизма. На страницах «Современника» в этот период появляются антирасистские выступления великих русских революционеров-демократов Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, показавших, что различия в культурном уровне разных народов не могут быть объяснены какими-то «расовыми» особенностями, но связаны с ходом исторического развития данного народа.

В 1861 г. на страницах «Современника» появляется статья В. Обручева «Невольничество в Северной Америке», а на страницах «Русского слова» статья А. Топорова «Невольничество в южноамериканских штатах», резко направленные против рабства негров. В упомянутой статье А. Топоров показал реакционную роль американской церкви, защищающей «со всеми трибуны невольничество авторитетом Вехого Завета», проповедующей рабство «со всеми его основами: терпением в истязаниях, безусловную покорность воле и прихотям плантаторов и уничтожением личности»¹⁵.

¹¹ «Русское слово», 1861, октябрь, ноябрь.

¹² Д. И. Писарев, Собр. соч., изд. Ф. Павленкова, СПб., 1890, т. 1, стр. 534.

¹³ Там же, стр. 535.

¹⁴ Там же, стр. 536.

¹⁵ «Русское слово», 1861, № 4, стр. 12 и 18.

Яростная защита невольничества церковью, говорит автор статьи, связана с тем, что члены духовной иерархии невольничьих штатов в большинстве случаев — сами богатые рабовладельцы. Эти «благочестивые пастыри, — замечает автор, — нередко продают молодых негритянок содержателям публичных домов и после проповеди часто отправляются с собаками на охоту за беглыми невольниками»¹⁶.

Отдел «Политика» журнала «Русское слово» в эти годы систематически освещает события, связанные с гражданской войной в Америке. Редактор журнала «Русское слово» Г. Благосветлов писал о лживости американской «демократии», подчеркивая, что «нигде и никогда положение раба не было так тягостно и позорно, как на американской земле», где «под одним историческим горизонтом и в одной географической черте» встречаются одновременно «белые угнетатели и черные угнетенные, бич плантатора и свободное действие гражданина, неприкосновенность собственности, независимость общественного мнения и публичный торг людьми, выводимыми на рынок вместе с домашним скотом»¹⁷.

Отдавая дань времени, Писарев ошибочно переносил на человеческие расы эволюционный принцип Дарвина, чтобы объяснить этим самым различия между расами. Но Писарев, конечно, не делал из этого вывода, что «рабство — явление неизбежное, законное и благотворное». «Ничуть не бывало, — восклицает он, — рабство все-таки остается явлением отвратительным и вредным»¹⁸. Писарев подчеркнул, что «белая раса везде и всегда играла роль желтого таракана и пасюка: португальцы истребили гуанхов, жителей Канарских островов; испанцы истребили краснокожих обитателей Вест-Индии; англичане истребили или поработили индусов, австралийцев, новозеландцев и северо-американских индейцев...»¹⁹.

Наряду с выступлениями против расизма, передовая русская общественность выступила и против реакционных измышлений «многочисленных последователей слишком знаменитых учителей Мальтуса и Рикардо»²⁰. Еще в 40-х годах прошлого столетия талантливый русский экономист В. Милютин впервые в России выступил с научной критикой мальтузианства. Позднее уничтожающей критике подверг мальтузианство Н. Г. Чернышевский.

На критике мальтузианства в своих статьях не раз останавливался и Писарев.

Еще в 1862 г., в статье «Пчелы», представляющей собой обличительный памфлет против реакционных порядков в России, Писарев критикует взгляды английского экономиста, ученика и последователя Мальтуса и Рикардо, Дж. Ст. Милля. Писарев называет Милля «величайшим индивидуалистом нашего времени» за то, что он решается «признать за обществом право контролировать заключение браков и запрещать те брачные союзы, которые угрожают обществу приращением неимущих граждан и, следовательно, понижением задельной платы»²¹.

На критике мальтузианства Писарев останавливается и в работе «Очерки из истории труда» (1863 г.). Он вскрывает классовый, откровенно реакционный и человеконенавистнический характер измышлений последователя Мальтуса: «Гадания Мальтуса о размножении людей вытекают из того же мутного источника и, подобно рассуждениям Рикардо, не имеют ни малейшего научного основания. Так называемый мальтусов закон много раз подвергался разрушительной критике мыслителей, имеющих здравые понятия об условиях народного благосостояния. Года три тому назад общая несостоятельность и отдельные промахи этой теории были доказаны очень основательно Чернышевским в его примечаниях и дополнениях к переводу политической экономии Милля»²².

Краткий очерк высказываний Писарева по вопросам науки о человеке еще раз подтверждает его выдающуюся роль борца за все передовое и прогрессивное, за настоящую науку, против человеконенавистнической проповеди расизма и мальтузианства. Стратегное слово Писарева будило мысль наиболее прогрессивных слоев русского общества, вело вперед, открывая безбрежные перспективы научного творчества в интересах народа.

В воспоминаниях о Ленине Н. К. Крупская писала, что Владимир Ильич в свое время много читал Писарева, любил его. В пушкенском альбоме Ленина «среди картинок любимых им революционных деятелей и писателей была фотография Д. И. Писарева»²³.

¹⁶ «Русское слово», 1861, № 4, стр. 19.

¹⁷ «Русское слово», 1862, февраль, «Иностранная литература», стр. 1.

¹⁸ Там же, стр. 152.

¹⁹ Там же, стр. 152.

²⁰ Д. И. Писарев, Избранные философские и общественно-политические статьи, 1949, стр. 184.

²¹ Там же, стр. 99.

²² Там же, стр. 185.

²³ Газ. «Правда» от 3 октября 1935 г.